

Девушка с голубкой

Автор:

Индия Грэй

Девушка с голубкой

Индия Грэй

Любовный роман – Harlequin #200

Английская модель Лили Александер влюбилась в известного плейбоя, наследника древней и влиятельной династии испанских банкиров, с первого взгляда. Но у Тристана Ромеро де Лосада есть золотое правило: он никогда не встречается с одной женщиной дважды...

Индия Грэй

Девушка с голубкой

Глава 1

Тень вертолета заскользила по ухоженным бархатным газонам замка Стювелл. Мощные винты вспороли неподвижный августовский воздух, порадовав сквозняком изнуренные жарой деревья обширного парка. Тристан Ромеро де Лосада Монтальво посмотрел из кабины вниз. Насколько он видел, праздник был в разгаре.

Ежегодный благотворительный костюмированный бал Тома Монтегю всегда становился одним из главных событий светской жизни. Сливки общества, акулы бизнеса, звезды кино, музыки и моды охотно покидали особняки на побережье

Малибу и дворцы в Тоскане ради двадцати четырех часов королевских развлечений и удовольствий в замке Ствелл.

Тристан Ромеро прибыл на праздник из ада, расположенного примерно в четырех тысячах километров от идиллических садов замка, по причинам, которые имели мало общего с потребностью в развлечениях и удовольствиях. Он прилетел из-за Тома – седьмого герцога Котбрукского, одного из самых искренних, добрых и щедрых людей, каких только можно себе вообразить. Том видел в окружающих только достоинства – даже в тех, в ком остальное человечество и под микроскопом не могло разглядеть ничего хорошего. «Поэтому-то он и остается моим лучшим другом столько лет», – ядовито подумал Тристан. Наивность Тома делала его легкой добычей для падких на богатство и титулы женщин. Задачей Тристана на этот вечер было убедиться, что девушка, о которой он слышал столько восторженных слов за последние несколько недель, действительно достойна любви его друга.

Конечно, назвать заботу о личном счастье Тома единственной причиной появления Тристана на празднике было бы нечестно. Он должен был показаться на глаза прессе. Тристан заложил вираж, направляясь к северной границе поместья вдоль реки. Он летел так низко, что не пропустил бы вспышек отраженного солнца на линзах фотокамер в густой зелени кустов.

Папарацци наверняка ждали его где-то там – в противном случае Тристан даже обиделся бы. Он не понимал знаменитостей, которые беспрестанно ныли и жаловались на вторжение прессы в их частную жизнь. Пресса делает звезд: быть знаменитым – значит привлекать к себе внимание, всегда оставаться на виду. Тристан воспринимал это как стратегическую игру, в которой моментальная расслабленность и потеря бдительности могла стоить человеку репутации. Он не любил журналистов, но был далек от того, чтобы их недооценивать. Вопрос состоял лишь в том, кто кого использует – кто манипулятор, кто жертва.

Тристан Ромеро больше не хотел быть жертвой. Никогда.

Все происходящее в замке казалось Лили Александер сном. Ее платье в античном стиле было порождением фантазии модного дизайнера, шампанское в бокале стоило дороже, чем платье. Многие куда более известные люди продали

бы душу, чтобы оказаться вместо нее на этих лужайках. Знакомые Лили по модельному бизнесу говорили о празднике с завистливым благоговением, часто используя слово «волшебно». Ей повезло оказаться здесь, но внутри вдруг пробудился недовольный внутренний голос, который хотел знать: «И в чем же заключается волшебство? Неужели в жизни не может быть ничего более волнующего и интересного, чем это?»

В этом году темой праздника стали мифы и легенды: вокруг Лили девушки-феи в невесомых шелковых платьях с блестящими крылышками на спинках кокетничали с богами древнегреческого пантеона и звездами золотого века Голливуда. Между белыми шатрами на газоне оставили место, где позже, по словам ее подруги Скарлет, цирковые наездники должны были развлекать гостей трюками. Верхом на единорогах, если Лили не ослышалась.

Небо окрасилось в мягкие абрикосовые тона. Подул теплый ветерок, каштаны зашуршали листвой над головой Лили. «Завтра в это же время я буду в сердце Африки, – подумала она. – Так далеко от роскоши и комфорта, как только возможно». Может, ее просто одолевал мандраж перед путешествием из безопасности развитой цивилизации в другой, незнакомый и пугающий мир, который она представляла только по газетным и телевизионным репортажам?

Звонок сжатого в руке мобильного заставил ее подпрыгнуть от неожиданности. Лили плотно прижала телефон к уху, чтобы смех гостей и громкая музыка не долетели до руководителя детской благотворительной организации, по делам которой она ехала в Африку. Его голос все равно тонул в шуме, и девушка побежала через лужайку подальше от толпы в поисках тихого места для разговора.

– Подожди минутку, – сказала она в трубку. – Очень плохая связь.

Она опустила голову, стараясь сосредоточиться на том, что ей говорят. Долетавшие до нее слова «сиротский приют» и «пункт раздачи бесплатной еды» казались чудовищно неуместными в ее нынешнем роскошном окружении. По-прежнему не обращая ни на что внимания, Лили обогнула массивную стену одной из замковых башен и устремилась в глубину парка. Пушистые газоны под ногами сменила неблагородная, жесткая, подсушенная солнцем луговая трава. Звуки праздника долетали сюда как сквозь вату, зато шум вертолетных винтов над головой становился все громче, а поднятый ими ветер заставил Лили почувствовать себя так, словно она забрела в эпицентр урагана.

Тристан Ромеро улыбался, глядя на нее сверху. Деликатное украшение в форме венка из золотых листьев на голове незнакомки не мешало ее длинным пшеничным волосам струиться по ветру. Легкое платье надувалось как парус, подол взлетал, обнажая ноги. Девушка старалась удержать его в рамках приличий, но сделать это, сжимая в одной руке мобильник, а в другой – бокал с шампанским, было непросто.

Тристан посадил вертолет прямо перед ней, нарочно позволив винтам покрутиться дольше, чем было необходимо. Он хотел еще немного полюбоваться на загорелые ноги красавицы и на то, как рвущееся в полет платье облегает ее фантастическую фигуру. «Кого-то она мне напоминает, – подумал Тристан, снимая наушники и спрыгивая на траву. – Может, я спал с ней раньше?»

Нет. Такую красотку он бы запомнил. Незнакомка была высокой. Плавная, чуть ленивая грация ее движений подсказала Тристану, что в постели она, вероятно, незабываема. Он почувствовал, как в усталом теле просыпается и нарастает желание. Когда мужчина подошел, она как раз закончила разговор.

– Восемь тридцать, – проговорила с придыханием, глядя куда-то сквозь Тристана. – Восемь тридцать, первый терминал аэропорта Хитроу.

У нее оказались необыкновенные глаза, которые отливали холодным чистым серебром, как утренний туман над озером.

– Я напомню тебе, как только мы проснемся, – сказал Тристан, вскидывая бровь.

Это была шутка, брошенная вскользь, проходя. Тристан не собирался знакомиться с девушкой – пока не услышал в кустах щелчок затвора фотокамеры, не заметил краем глаза торчащий из зелени объектив. Умения соблазнять женщин и манипулировать прессой открывали список многочисленных талантов Тристана Ромеро. И то, и другое он делал почти машинально. Прежде чем незнакомка успела выразить протест, он обнял ее за талию и решительно притянул к себе.

* * *

Сначала она обратила внимание на его глаза. В сочетании с коротко стриженными темными волосами, черной щетиной на волевом подбородке и глубоким бронзовым загаром синева глаз незнакомца производила удивительное впечатление. «В таких глазах можно плавать как в море, – подумала девушка. – И легко утонуть».

Лили повторила детали завтрашней встречи вслух, потому что информация грозила в любую секунду испариться из ее мозга как вода с горячих камней. Ответ незнакомца явно был шуткой, но воображение сразу же затянуло ее в водоворот фантазий на тему совместного пробуждения. А когда незнакомец привлек ее к себе, Лили внезапно поняла, что больше не тонет. Теперь она горела, словно солнце соскочило с раскрашенного огненными разводами неба и подожгло мир, а она стояла среди языков пламени, не испытывая никакого желания быть спасенной. Мужчина держал ее за талию, поглаживая в основании спины. Не в силах противиться, Лили беспомощно выгибалась ему навстречу...

– А вот и он!

Далекий оклик заставил незнакомца поднять голову, отстраниться от Лили. Медленно, словно в трансе, она обернулась на голоса. Том и Скарлет шли к ним рука об руку, возглавляя процессию фей, русалок и дриад, задрапированных в переливчатые шелка и воздушный шифон. Как ни странно, костюм святого Георгия подошел к бледной, романтической, очень английской внешности Тома. По контрасту с опасным магнетизмом незнакомца хозяин вечера излучал целомудрие и благородство.

– Ну наконец-то! – воскликнул Том с улыбкой. – Вижу, ты уже познакомился с Лили.

– Лили... – Незнакомец еще раз окинул взглядом ее отделанное золотом греческое платье и корону из листьев. – Мне показалось, эта девушка – Елена Троянская или Деметра, богиня плодородия.

Лили почувствовала, что краснеет. Наряд остался у нее после фотосессии года два назад, когда мир сходил с ума по Римской империи. Внезапно девушка пожалела, что не придумала что-то более интересное, как Скарлет, которая блистала в образе Коко Шанель – маленьком черном платье и бриллиантах.

– Я думала о Елене Троянской...

– Ну конечно же! Ее красота отправила в путь тысячу кораблей, а ваша – тысячу косметических продуктов. Вы – девушка из рекламы парфюма, разве нет?

Лили подпрыгнула, словно испугнутая лань, когда незнакомец завладел ее запястьем, провел большим пальцем по тонкой коже с синими прожилками вен, наклонился и принюхался.

– Каждый раз, когда я смотрю рекламу, я удивляюсь, правда ли парфюм пахнет так божественно, как можно предположить, глядя на вас. Не думал, что это возможно.

Он говорил на безупречном английском, но испанский акцент струился сквозь речь как вино сквозь воду. Лили потребовалось усилие, чтобы уловить смысл его слов.

– На мне сейчас нет этого парфюма, – заикаясь, проговорила она. – На мне ничего нет.

Господи, неужели она действительно это сказала?!

– Правда? – Он изогнул губы в улыбке, которая могла бы растопить айсберг в океане, но почему-то не согрела его синие глаза. – Ваши слова вызывают очень интригующие видения.

Ее сердце успело ударить лишь раз, пока незнакомец смотрел на нее. Потом он отвернулся.

«Вот в чем его секрет, – подумала Лили, в то время как влажный жар возбуждения наполнял ее вены, а разум угрожал отключиться навсегда. – Одной рукой он заманивает тебя, а второй захлопывает дверь перед твоим носом. Жестоко, но эффективно».

Лили видела, что Скарлет подает ей какие-то сигналы, но раньше, чем успела отреагировать, Том с шутливой чопорностью представил им незнакомца:

– Девушки, познакомьтесь с Тристаном Ромеро де Лосада Монтальво, маркизом Монтеса. Кроме всего этого, он мой самый давний и лучший друг.

Сердце Лили подскочило в груди, словно кто-то прижал к ней оголенный электрический провод. Тристан Ромеро? Господи, как можно было его не узнать?

Правда состояла в том, что ни нечеткие зернистые снимки в таблоидах, ни фото с красных дорожек в глянце не подготовили Лили к встрече с маркизом Монтеса в его великолепной загорелой плоти.

Как только с представлениями и приветствиями было покончено, Лили подхватила Скарлет за локоть и оттащила в сторону:

– Лучший друг Тома – наследник мегааристократической семьи испанских банкиров?

– Точно. Они дружат даже дольше, чем мы, потому что в детстве учились вместе в какой-то мрачной закрытой школе, как будто списанной из романов Диккенса.

Голова у Лили кружилась. Она все еще находилась под впечатлением от его поцелуя, но теперь к стойкому, как аромат парфюма, удовольствию примешивались шок и стыд от того, что она оказалась такой легкой добычей.

– Но Том – хороший человек! – возмутилась она. – А этот... он... бессердечный негодяй!

– Ли-ли, – с укоризной сказала Скарлет. – Уж ты-то не должна была бы слепо верить газетам... Даже если они пишут правду, это только их часть истории. Том не желает слышать никакой критики в адрес друга. Насколько я поняла, Тристан не один раз спасал его от школьных хулиганов, которые отравляли Тому жизнь. В любом случае я удивлена, что ты так хорошо информирована для женщины, которая презирает развлекательную прессу.

– Чтобы знать, кто он такой, не обязательно читать таблоиды, – мрачно пробормотала Лили, бредя рядом с подругой обратно к замку. – Финансовые вклады нормальных газет упоминают семью Ромеро регулярно.

Обычно тон упоминаний балансировал между неодобрением и восхищением расчетливой безжалостностью в делах, которая позволила банковской империи Ромеро успешно пережить все кризисы и остаться крупнейшим игроком на международном финансовом рынке, а семье – сохранить статус одной из самых богатых и влиятельных в мире.

– Как бы там ни было, кого он изображает – Джеймса Бонда? – Лили понимала, что ведет себя как обиженный ребенок, но ничего не могла с собой поделать. – Сам по себе Тристан Ромеро пока не тянет ни на миф, ни на легенду.

– Милая, он никого не изображает. Тристан – единственный человек, которому Том разрешил прийти на бал без костюма. Он представляет здесь самого себя – легендарного европейбоя, мифического бога секса. Должно быть, явился сюда прямо с вечеринки на яхте в Марбелье или из постели какой-нибудь знаменитой красавицы. И так торопился, что не смог правильно застегнуть пуговицы на рубашке.

Лили автоматически бросила взгляд назад, на Тристана. Скарлет оказалась права. Рубашка под темным, слегка помятым костюмом от дорогого портного была не заправлена, перекошена, распахнутый ворот открывал взгляду золотистую кожу и изгиб ключицы. Лили не знала, какое из нахлынувших чувств хуже. Злость, что поцелуй, который пробудил в ней такие волшебные эмоции, ничего не значил? Или стыдное понимание, что она готова заплатить любую цену, лишь бы Тристан поцеловал ее еще раз?

– Все нормально? – вполголоса спросил Том.

Они с Тристаном пересекли поле и направлялись к шатру, где расположился бар. В ответ на вопрос Тристан коротко кивнул:

– Прости, что опоздал. Не мог выбраться раньше.

– Для меня это не проблема, но армия твоих обожательниц начала терять терпение. Я устал отвечать на вопрос, где ты мог застрять.

– По официальной версии – на вечеринке в Сан-Тропе.

– Горячая, должно быть, была вечеринка. – Том заговорщицки ухмыльнулся. – На твоём месте я застегнул бы рубашку как полагается. Ты же не хочешь, чтобы дамы перевозбудились и устроили дебош?

Тристан скорчил гримасу. Когда он торопливо переодевался на небольшом аэродроме неподалеку, в глазах двоилось от усталости. Не самые идеальные условия для подготовки к светскому событию года. Звуки бодрой музыки в прохладном воздухе напомнили, что впереди его ждет еще одна бессонная ночь.

– С официальной версией разобрались, – сказал Том. – А где ты был на самом деле?

– Казакизм, – бесстрастно отозвался Тристан, застегивая на ходу рубашку.

– Я надеялся, что ты этого не скажешь. – Том поморщился. – Новости оттуда почти не доходят, но, насколько я понял, дело плохо?

Название небольшой провинции в Восточной Европе давно стало синонимом жестокости и отчаяния. Десять лет там шла война, причин которой никто не помнил. Военные и наркобароны с кровью рвали друг у друга власть, безжалостно расправляясь с теми, кто пытался положить конец произволу или хотя бы протестовать. Недавно в прессе появилось сообщение, что в ходе одной из таких разборок целую деревню стерли с лица земли.

– Можно сказать и так. – Тристан усилием воли загнал поглубже кошмарные видения. – Один из наших водителей потерял семью. Убили всех, кроме его беременной сестры. – Углы его рта горько изогнулись. – Похоже, военным не терпелось испытать новенькое оружие, которое они купили на деньги банка Ромеро.

Задержавшись у входа в шатер, Том положил ладонь на руку друга:

– Как ты?

– Отлично. Ты знаешь, я не увлекаюсь благотворительностью. Езжу туда из практических соображений, хочу немного подравнять шансы.

Тристан говорил, не глядя на Тома. Его взгляд был устремлен вдаль, на озеро в сумеречных тенях и башню в саване тумана. На волевом лице играли желваки.

– Я могу что-то сделать? – спросил Том тихо.

Тристан сверкнул короткой язвительной улыбкой, входя во влажную, пропитанную алкогольными парами полутьму шатра:

– Меня уже давно никто не видел в свете, так что я собираюсь кинуть репортерам хорошенькую косточку. Если в прессу просочится хоть слово о том, где я был и что делал на самом деле, служба безопасности сойдет с ума.

Улыбка Тома не выдавала его истинных эмоций, пока они протискивались к барной стойке, приветствуя гостей.

– Это легко организовать, – прошептал он. – У меня здесь есть несколько ручных репортеров светской хроники. Они, конечно, стоят на эволюционной лестнице выше папарацци, но моментально опустятся до бульварщины, если ты публично приударить за какой-нибудь более или менее известной куколкой.

Взяв со стойки два стакана, Том протянул один Тристану:

– Будь здоров, старина. Так кто станет твоей счастливой избранницей?

– Лили.

Тристан опрокинул стопку, алкоголь приятно обжег горло. Открытое лицо Тома выразило неодобрение, которое его друг предвидел.

– Нет. Ни за что. Очень плохая идея.

– Почему нет? Она более-менее известна.

И очень красива, этого нельзя было отрицать. Ее красота встряхнула даже усталого и измученного Тристана, чему он несказанно удивился.

– Если ты ранишь чувства лучшей подруги Скарлет – а ты их непременно ранишь, давай смотреть правде в глаза, – ты нанесешь урон и моей личной жизни.

– Кто вообще говорит о чувствах? – Тристан взял со стойки еще одну стопку. – Она – модель, Том. Крепкий орешек, к тому же, как я успел заметить, слегка не от мира сего. На прощание подарю ей дорогую блестяшку, плюс она получит тонны бесплатной рекламы.

– Мне кажется, Лили не такая.

– Ты слишком добр, друг. Они все такие.

Глава 2

Сумерки принесли с собой новое очарование. Китайские фонарики освещали деревья таинственным, бледным светом, а россыпь бриллиантовых звезд на бордовом покрывале неба выглядела так, словно ее поместили туда специально для того, чтобы доставить удовольствие гостям праздника.

Чуть раньше, когда официанты разносили зеленые коктейли со вкусом дыни и шампанского, из-под деревьев вокруг лужайки появились одетые лесными нимфами девушки в масках верхом на белых лошадях, ко лбам которых были прикреплены изящные витые рога. Под мистические завывания струнного оркестра наездницы заставляли лошадей танцевать, делать свечи и пируэты. Один раз Лили поймала сквозь кружение танцующих единорогов взгляд Тристана, который стоял на противоположном от нее краю лужайки, обнимая за плечи молодую голливудскую звездочку в костюме Покахонтас. Электрическая волна пробежала по телу девушки.

Когда Лили взглянула в том направлении еще раз, Тристана там уже не было.

Лили почти не притронулась к коктейлю. Она чувствовала себя усталой и размякшей, но не спокойной – внутри настойчиво пульсировали вожделение и нетерпение, которые только усиливались под воздействием алкоголя. Конное

шоу закончилось, единороги растворились в сгустившейся за деревьями тьме. Лили обернулась, ища глазами Скарлет, но внимание подруги было поглощено Томом. Он держал возлюбленную за талию в кольце рук и, пока Лили смотрела на них, притянул к себе, чтобы прошептать ей что-то на ушко.

Внезапно охваченная душевной болью и тревогой, Лили отвернулась.

Они со Скарлет были единой командой так долго, начиная со школы в Брайтоне, где их обеих дразнили за высокий рост и худобу. В один прекрасный день владелица модельного агентства Мэгги Мэйсон заметила девушек в магазине и пригласила обеих в Лондон на кастинг. Лили была настроена поступать в университет – если бы не Скарлет, она не взяла бы карточку Мэгги. Но тем не менее девушки вдвоем вошли в мир модной индустрии – две части одного целого, такие разные, но всегда вместе.

Именно поэтому, убеждала себя Лили, она так рада за подругу, которая влюбилась в достойного человека. В кругах, где они вращались, было так много неподходящих мужчин, которые могли бы вскружить Скарлет голову...

Тристан Ромеро де Лосада Монтальво, например.

Нежное скрипичное соло разносилось над пологими холмами и полями, укутанными в туман. На лужайке появилась еще одна лошадь, нарядную сбрую украшала пара фантастических крыльев. Пробежавший по толпе гостей шепот восторга сменился вскриками радостного удивления, когда всадница открыла притороченную к седлу корзинку.

Словно белое облако, мягко шурша крыльями, стайка голубок взмыла в фиолетовое небо. На мгновение они зависли в воздухе, словно не зная, что делать с неожиданной свободой. Краем глаза Лили уловила движение в толпе и повернула голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина в костюме Робин Гуда поднял лук и выстрелил.

Одна из голубок дернулась и начала терять высоту. Лили видела в боку птицы стрелу, которая тянула ее к земле. Чудом голубка удержалась в воздухе и, двигаясь неравномерными рывками, улетела в сторону озера.

Лили не помнила себя от ярости. Насладившись голубками, толпа двинулась к следующим развлечениям, а она побежала по пологому склону к воде. Земля становилась мягче, босые ноги утопали в прохладной мокрой траве. Пробившись через заросли сорняков на берег, Лили увидела в центре озера островок с башней, отделенный от нее стеклянной водной гладью.

Полуразрушенные каменные стены неприступно темнели на фоне закатного неба, в тишине Лили слышала возбужденное трепыхание множества крыльев. Голуби кружили над бойницами, но она напрасно напрягла зрение, стараясь рассмотреть среди них раненую птицу.

Узкий, отполированный временем до блеска деревянный мостик привел ее на остров. Все вокруг казалось зыбким, потусторонним, нереальным, словно Лили вдруг шагнула в мир теней. Нерешительно, почти надеясь, что башня заперта, она коснулась рукой неровной занозистой двери.

Дверь распахнулась сама собой. Лили чуть не вскрикнула от ужаса, увидев в проеме человеческую фигуру в белой рубашке, которая в мутном умирающем свете могла сойти за одеяние призрака. Девушка отшатнулась, прижав руку ко рту, но мужчина поймал ее за локоть и притянул к себе.

– Елена Троянская, – сказал глубокий язвительный голос. – Следили за мной, полагаю?

Лили почти оглохла от собственного панического сердцебиения, но высокомерие его слов вывело ее из полубморочного состояния.

– Нет! Я искала птицу... раненую голубку. Какой-то кретин выстрелил в нее на празднике, но она сумела улететь. Я пошла за ней, увидела, что голуби слетаются к башне... Я понятия не имела, что вы здесь... – Ее слегка помутившийся от испуга разум выдвинул самое вероятное предположение, какого рода дела привели Тристана Ромеро на уединенный остров в разгар праздника. – Простите за вторжение. Я уже ухожу.

– Не смею препятствовать миссии милосердия. – Он крепче сжал руку девушки. – Голубятня на крыше, идите искать свою голубку.

Лили заколебалась, вспомнив красавицу в костюме Покахонтас:

– Вы здесь один?

– Да.

По сравнению с белизной рубашки его кожа казалась еще более смуглой. Лили не могла разглядеть выражение лица, но в бархатном голосе Тристана проскальзывали наждачные нотки, а в смехе не было ни капли юмора.

– Полагаю, Том предупредил вас, что я опасен. – Его рука ласкала запястье девушки, пульс лихорадочно бился в подушечку большого пальца. – Если хотите, можете вернуться попозже в сопровождении взрослых.

– Не говорите ерунды. – Лили предприняла смелую попытку осадить его. – Мне просто не хотелось бы помешать вашему... чему-нибудь. Покажете, куда идти?

Внутри башни было прохладно и сыро. Босые ноги девушки бесшумно ступали по ледяным камням винтовой лестницы. На полпути им попалась небольшая площадка, сумеречный свет падал сквозь стрельчатое окно на закрытую дверь. Девушка остановилась, но Тристан решительно прошел мимо, приглашая ее подниматься дальше.

Наверху он толкнул еще одну дверь и жестом пригласил Лили войти первой. Оглядевшись по сторонам, она ахнула от удивления. Пол помещения, куда она попала, был гладким и ровным, вдоль стен тянулись насесты и кормушки для птиц. С открытой стороны, поверх огрызка стены, она могла видеть на воде озера последние розоватые отблески солнца. С другой стороны стена была цела, но узкое готическое окно обрамляло великолепный пейзаж – парк, замок и луга за ним.

От восторга Лили рассмеялась легким, беззаботным, немного запыхавшимся смехом. Тристан отлепился от дверного косяка и приблизился к девушке.

Смех замер у нее на губах. В полумраке синева глаз Тристана казалась темнее и глубже, лицо было суровым. Лили вдруг почувствовала за непроницаемым взглядом усталость, отчаяние, тоску, поняла, что этот неправдоподобно красивый мужчина, окутанный печалью как невидимым плащом, никак не вяжется в ее сознании с плейбоем-сибаритом, чей свободный от предрассудков

образ жизни так интриговал желтую прессу.

- Вы правы.

Лили пискнула от неожиданности, удивляясь, как он сумел прочесть ее мысли. Но Тристан указывал рукой на насесты:

- Раненая птица. Вот она.

Голубка нахохлилась в самом углу, неловко оттопырив поврежденное крыло. Капли крови алели на белых перьях.

- Бедная, бедная птичка... - Лили наклонилась, волна волос на мгновение закрыла лицо.

Тристан почувствовал неожиданный комок в горле. Нежность, которая наполняла голос девушки, легко, как воздух, просочилась прямо в его битое жизнью, закрытое стальными пластинами показного цинизма сердце.

Обычно он скользил между двумя своими ипостасями с грацией уличного кота, каждый раз плотно захлопывая за собой двери. Но сегодня вторая, тайная, жизнь не хотела отпускать его. Веселье вечеринки ложилось на издерганные нервы как соль на открытую рану, вот почему Тристан сбежал от толпы. Он больше не мог выносить шумную круговерть бездумных развлечений и пустых разговоров, но быть свидетелем нежного сострадания Лили оказалось в сто раз труднее.

- Мне кажется, у нее крыло сломано, - мягко проговорила девушка. - Что мы можем сделать?

- Ничего. - Жесткость собственного голоса резанула Тристану уши. - Только как можно быстрее избавить ее от страданий.

- Нет!

Лили резко выпрямилась между Тристаном и голубкой, словно боялась, что он собрался свернуть птице шею у нее на глазах.

- Вы не можете... Вы не станете...

- Почему нет?

Страшные картины, которые он видел совсем недавно, снова запульсировали в его измученной голове. Это всего лишь птица, ради всего святого!

- Почему не положить конец ее мучениям?

- У вас нет права брать на себя роль Бога, решать, кому жить, а кому умирать. Ни у кого из нас нет такого права.

В отсветах уходящего дня ему показалось, что красота Лили не принадлежит этому миру, что она явилась сюда из древней легенды, не имеющей ничего общего с циничной современностью. Что эта девушка могла знать о страданиях?

- Дело не в том, правильное решение или нет. - Он открыл дверь и вышел на лестницу. - Дело в том, хватает ли у человека мужества его принять.

- Пойдите!

Тристан остановился в пролете, прижавшись спиной к закрытой двери, подождал, пока Лили выплывет из теней, как видение из эротического сна.

- У меня не хватит мужества убить птицу. Что же мне делать?

- Смириться с тем, что сделать ничего нельзя. Это жизнь...

Два оглушительных взрыва помешали ему закончить фразу, запустили хоровод кошмарных воспоминаний, погнало по телу жаркую волну адреналина. Повинуясь инстинкту, Тристан схватил девушку в охапку, прижал к себе и, толкнув дверь плечом, затащил в комнату. В следующий момент небо за готическими окнами осветилось разноцветным звездопадом.

«Фейерверк, - подумал Тристан, успокаиваясь. - Всего лишь фейерверк, не обстрел и не бомбежка». Грянул очередной залп, небо расцветили искры. Лили

отстранилась с нервозным смешком и оглядела пятиугольную комнату – бледно-серые стены, узкие арки окон, массивную, украшенную деревянной резьбой кровать в центре.

– Ваше убежище?

Тристан коротко кивнул. За годы дружбы он много раз помогал Тому деньгами, не запоминая долгов. Друг отдал ему башню в знак благодарности.

– Я прихожу сюда, когда хочу побыть один.

Их взгляды встретились, время словно замедлило ход. Полные губы Лили были приоткрыты, дыхание участилось, в серых глазах отражались огни салюта.

– Ох... Я поняла. Уже ухожу.

Она двинулась было к дверям, но Тристан преградил путь:

– Сегодня ночью я не хочу быть один.

Глава 3

Адреналин все еще бежал по венам Тристана, заставляя сердце биться в безумном, болезненном ритме. Залпы фейерверка отдавались во всем теле – нежеланное напоминание о страшных реалиях другой половины его двойственного мира.

В полумраке Лили выглядела как ожившая греза. Глядя в ее глаза, Тристан чувствовал, что тревога отступает, смытая теплым, обезболивающим приливом вожделения. Здравый смысл утекал словно песок сквозь пальцы. Лили приблизилась, он видел колючие тени ресниц на ее скулах, слышал неровное дыхание.

– Я тоже не хочу быть одна. Но и возвращаться на вечеринку не хочется.

Тристан провел кончиками пальцев по изгибу ее обнаженного плеча. Лили вздрогнула, будто прикосновение обожгло ее, и ответная молния острого желания пронзила тело мужчины. Он наклонил голову, несколько раз глубоко вдохнул аромат ее кожи, прежде чем прижаться к ней губами.

- Не любишь вечеринки?

- Не люблю толпу. Я - закрытый человек, мне не нравится, когда на меня глазают.

- Ты выбрала не ту профессию.

- Можешь мне не рассказывать.

Нотки затаенного несчастья в голосе девушки заставили Тристана чуть отстраниться и взглянуть ей в лицо. Но как раз в этот момент Лили подалась к нему, приоткрыв губы в ожидании поцелуя, и все возникшие было у него вопросы растаяли как снег под июльским солнцем. Впрочем, Тристан и не хотел ничего о ней знать. Он соблазнял женщин не для того, чтобы разговаривать с ними, упаси Господь. Его отношения с противоположным полом ограничивались физиологией.

Никаких эмоций, никаких чувств. Никогда.

Пальчики Лили гладили его по затылку, зарывались в волосы. Чтобы шелковое платье соскользнуло на пол, достаточно было потянуть в стороны узкие витые бретельки, но Тристан терпел, до поры держал в узде расправшую его изнутри жгучую потребность в близости.

За этим он сюда и приехал. Сердечные дела Тома и очередной раунд игры с прессой служили удобным прикрытием. Плотские утехы были его спасением, очистительным огнем, в котором сгорали жуткие картины ада на земле, преследовавшие Тристана всякий раз, когда он закрывал глаза. Не имело значения, чье тело дарило ему утешение и долгожданный покой, чьи губы целовали. Секс напоминал Тристану, как хорошо быть живым, и помогал забыть все остальное.

Он приподнял голову Лили, не давая ей уклониться от его взгляда.

- Я должен предупредить, - сказал он просто и жестко. - У нас будет только эта ночь. Я не хочу связей, обязательств, жить долго и счастливо и умереть в один день. Ты согласна?

В глубине души Лили вскипели обида и разочарование, но им оказалось не под силу перебороть пьянящее вожделение, которое растекалось по телу как наркотик. Эта ночь в любом случае была особенной, пограничной, для нее не существовало правил и ограничений. Завтра она уедет в Африку, чтобы в незнакомом для нее мире придать жизни новое направление. Но до рассвета Лили могла позволить себе забыть обо всем и пережить романтическое приключение.

- Да, - прошептала она. - Только эта ночь.

Снаружи еще один залп усыпал небо розовыми звездами. Тристан недовольно поморщился. Лили осторожно расстегивала пуговицы на его рубашке. Она уговаривала себя не спешить, но руки все равно немного дрожали от едва сдерживаемого желания. Тристан стоял неподвижно, пока она ласкала кончиками пальцев его мощную грудь, и частое, торопливое сердцебиение было единственным доказательством его возбуждения.

Нет, не единственным... Рука Лили опустилась на молнию брюк Тристана, ладонь ощутила твердость эрекции под тканью. Он дернул головой, словно от боли. Сильные пальцы вцепились ей в плечи. Лили не могла сказать, пытается ли Тристан сохранить контроль или он его уже потерял.

Тристан потянул Лили к кровати. Сверкающие звезды, гораздо ярче, чем те, что каскадами осыпались с неба за окном, вспыхивали и гасли у нее в голове, пока мужчина ласкал ее шею и плечи. Расчетливая медлительность Тристана сводила Лили с ума. Пламя бежало по нервным окончаниям, прожигая дорожки к уже и так расплавленной от желания женской сущности. Бережно, словно распаковывая произведение искусства, Тристан приподнял шелковые бретельки на пальцах, прежде чем развести их в стороны. Платье соскользнуло на пол. Лили осталась перед ним нагой, если не считать крохотные шелковые трусики.

Ночь окутала девушку как прозрачная темно-синяя вуаль, смягчив невозможно стройный силуэт, посеребрив корону из листьев на ее волосах. Сходство Лили с далеким и недоступным античным божеством усиливалось с каждой секундой. Сдерживая себя, Тристан изучал пальцами ее тело – от тонкой талии вверх к маленькой точеной груди.

– Селена... – промурлыкал он.

Глаза Лили наполнились обидой, но в этот момент ладони Тристана накрыли ее нежные груди, и у нее не достало воли отстраниться.

– Это не мое имя! – прошептала она. – Меня зовут Лили...

Тристан мягко рассмеялся. Необъяснимая неуверенность в себе показалась ему трогательной. Как будто кто-то мог забыть ее имя...

– Я знаю. – Поцеловав бледную кожу под ключицей, его губы неторопливо двинулись вниз. – Сначала я принял тебя за золотую Деметру, богиню урожая. Но сейчас ты больше похожа на Селену, богиню луны.

Она закрыла глаза и спрятала застенчивую улыбку в его волосах:

– Расскажи мне о ней.

– Она полюбила смертного пастушка по имени Эндимион так сильно, что не могла вынести мысли о неизбежном расставании... – Тристан задержался над набухшим бутонем ее соска, лаская его дыханием, чувствуя, как его желание штурмует границы самоконтроля. – Селена попросила Зевса погрузить ее любимого в вечный сон, чтобы спасти его от старости и смерти. С тех пор каждую ночь она проводит рядом с ним. – Тристан выпрямился и посмотрел на Лили.

В глубине ее глаз, затянутых дымкой вожделения, ему почудились смешливые огоньки. Девушка потянулась поцеловать его снова:

– Похоже, ты на короткой ноге со всеми важными богинями. Или у тебя обширные связи среди небожителей, или ученая степень по античной

литературе.

Тристан опустил голову, чтобы она не видела его лица:

– У меня половина ученой степени по античной литературе. Мне пришлось бросить университет.

Голос звучал мягко, но Тристан все же не смог скрыть горечь. Он прижался ртом к коже Лили, вдохнул ее нежный аромат и прогнал от себя мысли о том, как могла – и должна была – сложиться его жизнь. Лили охнула, когда он обвел кончиком языка ореол ее соска, прежде чем забрать жесткий бутончик глубже в рот и ласкать, целовать его, приближая сладкое забытие.

Ее руки плотнее сплелись вокруг шеи Тристана, дыхание было манящей песней русалки. Знакомая комната расплывалась перед его глазами, кровь тяжело отстукивала в ушах первобытный ритм, в котором тонуло все, кроме прохладной сливочной свежести тела Лили. Разум Тристана, измученный тяжелыми мыслями, отключился, передав управление телу и инстинктам. Как только Лили расстегнула молнию его брюк, стянула их вместе с бельем, любовники упали на постель, не прерывая поцелуя, не отнимая друг от друга жадных ищущих рук.

Ужас и стресс последних дней растворились в водовороте физического желания, как будто в душе Тристана сработал какой-то встроенный механизм самосохранения, наконец-то избавивший его от необходимости думать, планировать, принимать решения, а главное – любой ценой сохранять контроль...

Словно почувствовав это, Лили толкнула его на подушки, устроилась сверху. Лунный свет выбелил ее безупречную кожу до призрачной полупрозрачности, которая подчеркивала переливчатое сияние темных от страсти глаз и яркость припухшего от поцелуев рта. Склонив голову над его мужским естеством, Лили разомкнула чувственные губы...

Мир окончательно выскользнул из фокуса, даже резкое стрекотание залпов фейерверка теперь звучало приглушенно, как через вату. Все существо Тристана сосредоточилось в ощущениях нежного рта на его горячей набухшей плоти и щекотной ласки волос, окутывающих его бедра. Глядя вниз, он видел бледный изгиб спины Лили, и ее лопатки казались его лихорадочному взору сложенными

крыльями ангела.

Тристан чудом держался на грани экстаза, пока он не мог позволить себе отпустить тормоза и в одиночку полететь сквозь тайную тьму к вершинам наслаждения. Он сел и приподнял голову Лили, пропустив ее волосы сквозь пальцы.

– Моя очередь.

Встретившись с ним взглядом в синем полумраке, Лили моментально ощутила, как ее захлестывает волна скользкого, влажного жара. Лицо мужчины было бесстрастным, напряженным, но в глазах сверкало и плавилось желание. Без звука она позволила ему посадить ее перед собой, лицом к лицу, на пропитанной лунным светом постели. Рука Тристана покоилась на волосах девушки, сильные пальцы массировали затылок, рассылая электрические импульсы по всему телу.

Казалось, медовые волны желания, растекавшиеся от бедер и живота, пронизали ее насквозь. Модельная карьера научила Лили рассматривать свое тело как неодушевленный предмет, инструмент нелюбимого дела. Но по воле этого мужчины эстетически удачное сочетание костей, мышц и суставов наполнялось жизнью и страстью, каждый нерв звенел, кровь жарким потоком неслась по венам. Лили нужно было отдать это безупречное тело Тристану, чтобы снова почувствовать его своим.

Тристан обвел пальцами ее пупок, а потом жестом более интимным, чем все, что ему предшествовало, положил ладонь на ее плоский живот.

Мир вокруг них сделался тих и неподвижен. Тепло его руки проникало в нее – где-то под штормовой свистопляской возбужденных и растревоженных гормонов Лили ощущала странное спокойствие, словно одно прикосновение случайного знакомого избавило ее от внутренней неудовлетворенности, которая копилась так долго. Она чувствовала себя любимой.

Но момент пролетел, и возбуждение снова вступило в свои права, когда Тристан стянул с нее шелковые трусики. Лили приподняла бедра в беззастенчивом приглашении, его распластанная рука поползла вниз, к средоточию ее желаний. Она открылась для умных, неторопливых пальцев, которые дразнили и ласкали, пока она не поняла, что не может больше выносить ожидания.

Легко, словно перышком, Тристан пощекотал кончиком пальца раскаленный бугорок клитора, прижав к себе содрогнувшееся в предчувствии экстаза тело Лили.

- Пожалуйста, Тристан, - взмолилась она. - Я больше не могу ждать...

Но он едва заметно покачал головой:

- Мы не можем.

- Почему? - От обиды и разочарования в ее голосе появились резкие шипящие нотки. - Почему нет?

- Я не взял презервативы.

Напряжение моментально отпустило.

- Н-ничего страшного. - Заикнувшись от облегчения, выдохнула она в жесткий изгиб его шеи между торопливыми поцелуями. - Я здорова и принимаю таблетки. Ты ничем не рискуешь.

- А ты уверена, что ничем не рискуешь? - спросил он со смешком. - Ты ничего обо мне не знаешь.

Смущенная словами Тристана, Лили отодвинулась, чтобы взглянуть ему в лицо. Ночные тени сделали выражение глубоко посаженных глаз нечитаемым, лунный свет придал мужчине сходство с античной скульптурой, расставил акценты на совершенных линиях скул и подбородка с ямочкой.

- Нет. Но я доверяю тебе. Я сделаю, как ты скажешь. Если ты хочешь прекратить...

Ее рука лежала у него на груди, в центр ладони сильно и размеренно билось сердце.

- Не хочу.

Лили едва сдержала вскрик радости, когда он мощным толчком вошел в нее. Напряженная, дрожащая от восторга, она была больше не способна думать – только чувствовать счастье, захлестнувшее каждую клеточку тела. Опустив ее на прохладные простыни, Тристан целовал ее груди, шею, потом вернулся к губам. Темп нарастал, и захваченной общим любовным ритмом Лили оставалось лишь сильнее обвивать ногами его бедра.

Ее экстатический вопль утонул в последнем залпе фейерверка. Любовники лежали рядом, тяжело дыша, чувствуя, как остывает пот на разгоряченных телах, а за окном падали с неба розовые и золотые звезды.

Ночью шел дождь. Лили поднялась со смятой постели и долго стояла у окна, глядя на мир, окрасившийся зеленью в серебре. Капли стучали по зеркальной поверхности озера, которую медленно затягивало туманом.

Когда двадцать четыре часа спустя она смотрела в другое окно – джипа, пересекавшего сухую бесплодную африканскую равнину, – прекрасное ночное приключение в английском замке казалось ей сном. Лили убеждала себя, что не придумала раннее утро, напоенное влажной прохладой, не придумала, как, налюбовавшись дождем, подошла к постели, на которой спал Тристан, и увидела выражение муки на его лице.

Пока она стояла над ним, мужчина вскрикнул, резко, горько, словно от боли или от ярости. Не раздумывая, Лили снова легла рядом с ним, прижала его красивую голову к груди и баюкала, шепча что-то ласковое, бессмысленное, успокаивающее, пока белесый рассвет не проник в комнату. Только тогда Тристан расслабился и затих в ее объятиях.

Потом Лили встала, надела шелковое платье и ушла. Тристан не напомнил ей про встречу на терминале аэропорта Хитроу, как обещал. Он не проснулся, чтобы попрощаться.

Джип остановился посреди лагеря. Жара становилась невыносимой, из-за песка, поднятого караваном машин, было трудно дышать. Разминая затекшие ноги, Лили думала, достанет ли у нее сил все это выдержать. Она наклонила голову, на секунду закрыла глаза, облизнула сухие губы. Раз она смогла по собственной

воле уйти из башни вчера утром, нет пределов тому, что еще она сможет сделать.

Глава 4

Лондон. Шесть недель спустя

– Поздравляю вас, мисс Александер.

Лили озадаченно посмотрела в улыбающееся лицо доктора. Она ждала объяснений, почему желудочная инфекция, которую она подхватила больше месяца назад в Африке, никак не проходит. Но у доктора Ли был такой вид, словно его пациентка выиграла в лотерею, а не обзавелась каким-то неприятным и трудноизлечимым тропическим заболеванием.

– Вот результаты анализов. – Он перетасовал желтые листки заключений из лаборатории. – Могу заверить, что вы не больны малярией, желтой лихорадкой, гепатитом, тифом, бешенством и дифтерией.

Лили обреченно вздохнула.

Не то чтобы она стремилась заболеть чем-то ужасным. Но если бы медицина сказала ей, чем вызвана постоянная усталость и металлический привкус во рту, из-за которого ей казалось, что она питается исключительно алюминиевыми банками, Лили могла бы принять меры. Начала бы пить лекарства и спать по ночам, вместо того чтобы лежать с открытыми глазами, страдая от приступов жара и тошноты, прогоняя мысли о Тристане Ромеро.

Она встряхнула головой, стараясь сосредоточиться. В последнее время это удавалось ей с трудом.

– Я не понимаю. Если все анализы дали отрицательный результат...

– Не все. Один оказался положительным. Вы беременны, с чем я вас и поздравляю.

Лили показалось, что стены кабинета надвинулись на нее и начали душить. Кровь отлила от лица.

– Вы не планировали? – с беспокойством спросил врач.

Планировала ли она?

Память отбросила Лили обратно на предрассветное озеро, она снова услышала дождь, колыбельную капель, расшивающую жемчужно-серый пейзаж тонкими серебристыми нитями. Вспомнила, как баюкала Тристана, расслабляя его напряженное тело, в то время как внутри нее незаметно, неожиданно зарождалось тайное чудо.

– Но как это могло произойти? – выдавила Лили. – Я п-принимаю таблетки!

– Увы, моя дорогая, ни один контрацептив не дает стопроцентной гарантии. К тому же ваше африканское недомогание могло снизить эффективность препарата. Но срок еще совсем небольшой, есть время... рассмотреть другие возможности.

Лили, которая неуклюже поднялась на ноги, покачнулась и вцепилась в спинку кресла, как только смысл сказанного доктором дошел до ее онемевшего мозга.

– Подумайте, обсудите это с вашим партнером, – сказал доктор Ли нейтральным тоном профессионала. – Как только примете решение, дайте мне знать.

– У меня нет партнера. – Лили покачала головой. – Он не мой... Он не будет...

Она застыла на полупhrазе, пытаясь сообразить, как описать постороннему человеку суть своих несуществующих отношений с Тристаном Ромеро и не показаться при этом дешевой шлюшкой. «Я едва знаю его. У меня нет номера его телефона, и он ясно дал понять, что не расположен встречаться со мной снова».

Ох, господи, может, она и была дешевой шлюшкой. Лили вспомнила, с какой голодной страстью толкнула Тристана на расчерченную лунными лучами постель и взяла его мужское орудие в рот, вспомнила разочарование, пронзившее ее как молния, когда он отказался продолжать без контрацептивов. В отчаянии Лили готова была сказать что угодно, лишь бы убедить его, что секс с ней абсолютно безопасен.

– Он здесь ни при чем. – Она так сжала спинку кресла, что костяшки пальцев побелели. – Это только мой ребенок, и я его сохраню.

– Вас к телефону, сеньор Ромеро.

Тристан оторвал взгляд от монитора и недовольно посмотрел на секретаршу:

– Бьянка, я же просил, чтобы меня не беспокоили.

– Но это сеньор Монтегю. Я думала, вы захотите поговорить с ним.

Взяв трубку, Тристан развернул кресло к окну с видом на площадь Сан-Жауме и фасад муниципалитета напротив. Банк Ромеро де Кастелан был одним из старейших в Испании, его центральный офис занимал громадное, неудобное и помпезное здание в самом сердце Барселоны. Солнце покидало кабинеты с высокими потолками и мраморными полами уже в полдень, но это было не единственной причиной постоянного ощущения холода, которое Тристан испытывал, находясь на работе.

– Ты неуловим, – добродушно проворчал Том. – Я оторвал тебя от соблазнения какой-нибудь невинной пташки из бухгалтерии?

– Ты слишком веришь желтой прессе. Я, представь себе, работал. Как бы фантастично это ни звучало, банки нуждаются в управлении. Бьянке было строжайше запрещено соединять меня с кем-либо, ума не приложу, как ты ее уговорил.

– Это называется шарм, старик. Им вынуждены пользоваться те из нас, кто не может уложить женщину в постель одним взглядом. А кто из твоих секретарш

Бьянка? Брюнетка с декольте, в котором можно потеряться?

– Нет, рыженькая, немного похожая на Софи Лорен. – Тристан невольно усмехнулся. – Но поскольку ты почти женат, это вряд ли имеет значение. Как, кстати, твоя очаровательная невеста?

– Красива, сексуальна, но временно не может думать ни о чем, кроме цветов и свадебных платьев. Мама устраивает праздник в честь помолвки, боюсь, что тебе, как шаферу, придется на нем быть. Сможешь выкроить последнюю субботу в сентябре?

Тристан бросил взгляд на органайзер. Светские рауты в Мадриде и Лиссабоне, деловая встреча в Милане, приглашение друзей провести с ними несколько дней на каком-то тропическом острове...

– А если я скажу «нет»?

– Тогда мы перенесем наше суаре на октябрь.

Тристан подавил вздох. Он планировал отвертеться от приглашения в замок Стюарт, но понял, что это вряд ли получится.

– Я постараюсь. Но у нас горит сделка, поэтому не могу ничего обещать.

– Как обычно. – Через разделяющие их километры Тристан услышал укоризну в голосе друга. – Ты – чемпион мира по ничего-не-обещаниям. В любом случае запиши дату в ежедневник и постарайся явиться, если не найдется более важных дел.

– Позвоню. – Закончив разговор, Тристан некоторое время задумчиво смотрел на телефон, потому что обиженный голос Тома все еще звучал в его ушах.

Упрек друга был справедлив, разумеется.

Выругавшись, Тристан впечатал кулак в полированное дерево стола, за которым несколько поколений Ромеоро аккумулировали власть и приумножали капитал, не считаясь с тем, кого приходилось уничтожать в процессе. Тристан был таким же

холодным и безжалостным, как все они, несмотря на попытки хоть как-то заслужить искупление. Он никогда не питал на свой счет какие-либо иллюзии. Отливающая голубизной кровь Ромеро слишком загустела от накопившихся грехов и многовековой коррупции. Единственное отличие, скажем, от отца, состояло в том, что Тристан не считал нужным это скрывать.

По крайней мере, он был достаточно честен, чтобы признать себя неисправимым и решить, что ему лучше всего пройти свой проклятый путь в одиночку. Тристан коротко, неприятно рассмеялся. Если уж он так неумолимо правдив, то вполне может признаться, что заставляет его искать оправдания своему отсутствию на вечеринке Тома в замке Стювелл. «Я не хочу ехать, – подумал Тристан, – потому что там будет она».

Лили Александер. Девушка с бархатной кожей, пахнущей миндалем. Она появилась в черные для него минуты и легко проскользнула мимо всех его оборонительных рубежей, чего с Тристаном не случалось раньше. И не случится снова, со стальной решимостью подумал он. Какая разница, будет Лили в замке или нет? Тристан поведет себя с ней так же отстраненно-вежливо, как с любой другой женщиной, которую соблазнил и бросил.

Лили нервно крутила в пальцах розовый шелк своего платья.

– По телефону ты сказала: «Маленький ужин в честь обручения», – шепотом пожаловалась она подруге. – Скарлет, ты только посмотри, это же похоже на сцену бала из великосветского любовного романа! – Она обвела взглядом бальный зал замка, который заполнялся нарядными людьми, с порога попадавшими в круговорот бесконтактных приветственных поцелуев.

– Знаю, знаю, – засмеялась Скарлет. – Смешно, мы и вправду планировали прием только для близких, но нам так хотелось делиться счастьем, что в конце концов мы пригласили всех, кого знаем.

– Всех? – Сердце Лили проделало болезненный кульбит. – И друзей Тома?

– Да. Боюсь, мои бедные родители совершенно выбиты из колеи. Присмотришь за ними, Лили?

Та молча кивнула. Пока она росла, родители Скарлет обеспечивали ее домашним питанием, помогали с уроками, давали советы насчет мальчиков – в общем, взяли на себя многочисленные обязанности, к выполнению которых была так плохо приспособлена ее родная мать.

– Ты не представляешь, как я скучала без тебя. – Схватив два бокала шампанского с подноса почтительной официантки, Скарлет сунула один в руку Лили. – Давай выпьем за нашу дружбу, которую ничто не разрушит!

Горячая волна тошноты накатила, как только ноздрей коснулся резкий сладкий запах алкоголя. Горло конвульсивно сжалось, на верхней губе выступила испарина. Ну почему она не догадалась захватить имбирные пряники, которые помогали успокоить растревоженный желудок?

– Лили, что с тобой? Тебе нехорошо?

Пытаясь сфокусироваться на обеспокоенном размытом пятне, в которое превратилось лицо Скарлет, Лили страдала от угрызений совести. Впервые с десятилетнего возраста она утаила что-то от подруги. Но как она могла признаться, что беременна, если еще не успела рассказать Скарлет о ночи, проведенной с Тристаном Ромеро? После маскарада она отправилась напрямик в Африку, а когда приехала, ее подруга уже с головой ушла в приготовления к свадьбе с Томом. Он сделал Скарлет предложение во время фейерверка. Почему-то Лили сочла бестактностью упоминать о том, чем она занималась в тот знаменательный момент...

– Ты выглядишь нездоровой. – Скарлет обняла подругу за плечи и повела к дверям. – Честно говоря, ты сама не своя с тех пор, как вернулась из Африки. Тебе нужно сходить к доктору...

– Я ходила, – слабо пробормотала Лили.

Подруги спускались по широкой лестнице в холл, когда сквозняк из открывшихся внизу дверей коснулся лица Лили и немного приглушил тошноту. Глотнув воздуха, она решила, что больше не может держать Скарлет в неведении.

– Я не больна. Дело в том, что я... – Она взглянула через плечо Скарлет и застыла с открытым ртом.

На секунду Лили показалось, что разум снова дразнит ее видением высокого, элегантного мужчины с красивым бесстрастным лицом, как пустыня дразнит заблудившихся путников миражами зеленых оазисов. Но Тристан поднял голову, и Лили утонула в бездонных озерах его глаз.

Это был не мираж.

Он направлялся к ним. В каждом сантиметре его прекрасного тела, в каждом ленивом, грациозном жесте сквозила небрежная легкость и уверенность в себе, в то время как Лили чувствовала себя так, словно кто-то пропускал ее внутренности через офисный шредер.

– Мои поздравления, Скарлет. – Тристан с серьезным видом расцеловал невесту друга в обе щеки. – Тому очень повезло. Сегодня ты выглядишь просто потрясающе.

Лили прижалась спиной к перилам, одновременно желая и страшась момента, когда Тристан обратит на нее внимание. Она была уверена, что тайна, которую она хранила, написана у нее на лбу крупными печатными буквами.

– Тристан! – Радостный оклик Тома сверху эхом разнесся по холлу. Хозяин замка спускался по ступенькам с пиратской ухмылкой на губах. – Так-так. Не успел переступить порог моего дома – и сразу бросился целовать мою невесту. Неужели святость брачных уз для тебя ничего не значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/grey_indiya/devushka-s-golubkoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)